

Предисловие

Компания туристов, двадцать человек взрослых с детьми, сплаваясь по реке Куйве, притоку Чусовой, попадают в шестнадцатый век, во времена Ивана Грозного. Наши современники не падают духом, инженеры и офицеры выстраивают на границе строгановских владений острог, закрепляются в нём, из руды выплавляют железо, выковывают примитивные ружья. Учитель химии получает порох, стекло. Огнестрельным оружием удаётся отбиться от набега сибирских татар из-за Урала, ещё не покорённых Ермаком. Чтобы не попасть в кабалу, избежать обвинения в еретизме, ведь никто из них не знает православных молитв и обычаев, туристы называются не русскими, а магаданцами, из далёкой страны Магадан, что на востоке Сибири.

Постепенно начинают торговать самодельными стальными ножами, топорами, наконечниками для стрел с аборигенами, добывают золото и алмазы из нетронутых в шестнадцатом веке месторождений, но известных и выработанных в двадцать первом веке. Высаживают картошку и помидоры, взятые в турпоход для еды, подсолнечник. Сражаются с сибирскими татарами, освобождают пленников, которых селят рядом с собой. За несколько лет набирают из местных жителей свою дружину, которую вооружают самодельными ружьями. Опасаясь непредсказуемого Ивана Грозного и следующих правителей Руси, не отличавшихся чело-веколюбием, магаданцы перебираются через Белое море в Европу.

Там, внезапным нападением на королевский дворец, захватывают шведского короля Юхана, принуждая того к союзу с магаданцами. Офицеры тренируют шведских солдат, вооружают ружьями, с их помощью захватывают Восточную Пруссию и Ригу. На захваченной территории основывают своё государство, называют его Западным Магаданом. Пока союзные шведы воюют с Речью Посполитой, магаданцы развивают промышленность своего государства. Делают станки, на которых производят пушки, нарезное оружие с патронами, даже выпускают двигатели внутреннего сгорания. Правда, работают двигатели на спирте, который учитель химии получает гидролизом из древесных отходов. Выпускают и продают зеркала, конкурирующие с венецианскими изделиями.

Небольшое, но сильнейшее в средневековой Европе государство, основанное нашими современниками, начинает влиять на политику, меняет историю Руси. Так, в 1579 году, на четыре года раньше, чем в нашей истории, заканчивается Ливонская война. И совершенно с другим результатом. Русь не теряет свои земли, а оставляет завоёванные города себе, получает выход к Балтийскому морю не в восемнадцатом, а в шестнадцатом веке. Ермак на три года раньше покоряет Сибирское ханство. Шведы «перевоспитывают» польское население захваченной Речи Посполитой, магаданцы грабят города на побережье Крыма, нападают на Константинополь. Освобождают захваченный турками остров Кипр, где устраивают свою базу. В ответ на попытку нападения соседней Священной римской империи германской нации войска магаданцев грабят немецкое побережье Балтики, захватывают остров Рюген.

В размеренную жизнь средневековой Европы, где войны длятся десятилетиями и веками, врываются непобедимые, воспитанные на принципах двадцать

первого века, войска магаданцев. Небольшая, отлично вооружённая и обученная армия Западного Магадана, с лёгкостью разбивает превосходящие силы противника, быстро передвигается и наводит ужас на соседние страны. Командиры этой армии не питают иллюзий в отношении «европейских ценностей», соблюдения европейцами договоров и прочих сказок. Ведут магаданцы себя по отношению к европейцам точно так же, как те относятся к китайцам, неграм, индейцам и прочим славянам. Разве что не так подло и кроваво, но без снисхождения, наши современники относятся к англичанам, немцам и французам шестнадцатого века — как к обычным дикарям из джунглей, без сантиментов.

Глава 1

— Взвейтесь, кострами, синие ночи! Мы пионеры — дети рабочих! — звонкими голосами пели два десятка мальчишек и девчонок, пока маршировали нестройной колонной по городской набережной. Впереди шёл молодой парень с девушкой, а на шее у всех были повязаны платки из красного шёлка.

Яська засмотрелся на своих ровесников, занятых чем-то интересным и непонятным. Увидел, что подростки в красных платках-галстуках зашли по сходням на небольшой корабль, который сразу отошёл от берега. Затем, без вёсел и парусов, кораблик шустро поплыл вдоль берега к выходу из залива.

— Вот бы нам так, — толкнула Яську в бок младшая сестра Олеся. Она с открытым ртом глядела на удаляющийся кораблик. — Куда они поплыли?

— Откуда я знаю, — насупился мальчишка и повернулся в другую сторону, чтобы ахнуть от удивления. Там с высокого корабля под парусами спускались на берег чёрные, как головёшка, люди, в одних портах,

босые и голые по пояс. Эти чёрные люди выносили на берег тюки и складывали их возле сходней. Затем на причал с корабля сошли другие, уже белые люди, богатые, судя по важному виду и дорогой, шитой золотыми и серебряными нитями, одежде. Все со шпагами или тростями, держались спокойно и уверенно. Яська засмотрелся на чёрных людей, стараясь определить, какого цвета у них ладошки и ступни, небось, ещё чернее.

— Туда смотри, — острый локоток сестрѐнки ударил мальчишку небожно в ребро. Девочка показывала пальцем на лужайку дальше набережной, где десяток пацанов бегали друг за другом, пиная небольшой мяч. Судя по всему, игра захватила мальчишек настолько, что брат с сестрой позавидовали и захотели срочно присоединиться к этой непонятной игре. Чего стоять без дела, в ожидании тяти, коли можно побегать с ровесниками. Яська оглянулся, на причалах кипела своя, непонятная ему жизнь. И никому не было дела до семьи беженцев с её нищим скарбом. Пятилетняя сестрѐнка Люба тетѐшкала младшего братика Феденьку, не обращая внимания на окружающий мир. Ей было интересно, как братишка пытается ухватить беззубым ртом тряпицу с разжѐванным кусочком варѐной рыбы. После смерти мамки младший сын рос без кормилицы, на козьем молоке, другой скотины семья Малезиков не сохранила. Всё отобрали на Троицу мытари из усадьбы гере Рейнбаха.

— Куда собрались? — Твѐрдые, как камень, отцовские пальцы схватили Яську за плечо. Толкнув сына к немудрѐным пожиткам, тятя впрягся в самодельную тележку, на которой лежали два мешка муки, прялка, разобранный ткацкий стан, стол и зимние полушубки. Всё, что осталось от разорѐнного хозяйства. — Бери вещи, пойдѐм.

Ясь и Олеся всунули руки в петли своих котомок, взяли младшую Любу, с Феденькой на руках, под локоть. Все, вместе с отцом, побрели к длинному бараку, из труб которого тянуло лёгким дымком и ощутимым запахом свежего хлеба. Идти оказалось не близко, рот был полон слюны, пока добрались. К ясно ощутимому запаху хлеба с каждым шагом всё больше примешивался вкус ароматной похлёбки и жареной рыбы. Люба тоже почувствовала вкусные запахи и доверчиво посмотрела снизу вверх на старшего брата. — Мы кушать будем?

Яська молча сглотнул слюну, проморгав невольно навернувшиеся слёзы на глазах, он не забыл, сколько раз их гнали крестьяне от своих домов или харчевен, на пути сюда. Больше месяца Малежики брели по дорогам Литвы из Орши в Королевец, питаюсь рыбой, если повезёт. Или тюрей и лепёшками из последних запасов, когда не везло. Редко, когда такие же нищие крестьяне подавали хлеба. Всё больше молока или репки с огорода. Богачи не подавали никогда, порой просто били кнутами. После первых недель такой дороги тятя выбирал всё больше глухие перелески да обходные тропы, чтобы с людьми не встречаться. Дважды разбойников замечали впереди на дороге, богородица помогла, успевали спрятаться. Пришлось неделю по болотам пробираться, едва комары не заели да пиявки последнюю кровь не выпили. Ничего, тятя молчит по-доброму, не злой, бог даст, всё наладится, как маменька говорила.

— Малежики? Проходите сюда! — Выскочила из барака девица, чуть постарше Яся, в мужской рубахе и синих узких штанах. За ней две Олесиных ровесницы, у обеих красные платки на шее, поверх белых рубах, а юбки срамные, едва коленки прикрывают. Тятя даже сплюнул, не решаясь ругаться. — Вещи в эту

комнату, дальше мойте руки и умывайтесь, вот здесь. Полотенца рядом висят, и проходите в столовую, обедать будете. Я вас там подожду.

Через четверть часа семейство Малезиков пообедало за длинным столом, жадно глотая мясную похлёбку с хлебом. А девица записывала состав семьи, возраст детей, умения отца и старшего сына. Потом, когда девочки в красных платках на шее принесли второе блюдо, жареную рыбу (о существовании вторых блюд Яська за последние годы успел позабыть), девица, назвавшаяся управдомом Галиной, начала рассказывать.

— Жить будете пока в бараке, ваша комната пятая, девочки покажут. Кормёжка бесплатная, трижды в день. Сегодня вечером всем сходить в баню, она топится каждый день. Веники там есть, щёлок в предбаннике, свою одежду прокалите на верхнем полке, оставьте там на ночь. Чистое бельё перед баней получите у кладовщицы Агафьи, её хозяйство за баракком. Отхожее место общее, вон там, возле барака нельзя ходить даже по-малому. Для детей и ночью в комнате есть горшок. Чистоту в своей комнате наведёте сами, перед едой обязательно мыть всем руки, в бане мыться каждые два дня. Жить тихо и чисто, будете грязь разводить или скандалить, выпорем.

Считать умеешь? — Дождавшись уверенного кивка старшего Малезика, девушка продолжала: — Завтра, к семи утра, тебе и старшим детям быть у городской управы, вон там, видишь, на башне часы? Эти часы каждые полчаса время отбивают колоколами. Полный час указывают числом ударов колокола — два, три, четыре, до двенадцати. Полчаса отбивают один раз. Не проспите на сытый желудок. Если на работу не устроишься за два дня, найдём работу сами, будешь улицы от навоза чистить или золотарём дерьмо выгребать из отхожих мест. Так, что не балуй, устраивайся сразу. До весны жить

можете в бараке, потом ищи жильё или сам строй, коли работа будет, осилишь. Козу свою в общий скотник отдадите, за её кормёжку придётся платить или самим траву косить, запасать. Сегодня можно из наших запасов корма взять, там у входа стожок сена стоит. Вопросы есть?

— Мальцу бы кормилицу? — Осторожно спросил Малежик. — Народу много в бараке, бабы есть с маленькими детьми?

— Есть, в двенадцатой, четырнадцатой и двадцать восьмой комнате. Договаривайся сам. На детей особо не рассчитывай, их на зиму в школу возьмут, письму и счёту учить, занятия будут с восьми утра до обеда для мальчиков и после обеда для девочек. Школа недалеко, занятия начнутся с первого сентября, через месяц. Будут вопросы, я каждый день в первой комнате работаю, до вечера.

— До вечера надо успеть, — Николай вопросительно взглянул на Хесселя, магаданского адмирала. — Завтра турки подойдут к Ларнаки, если начнут высаживать войска на берег, худо придётся. Упаримся гонять их по всему острову.

— Тогда предлагаю восемь быстроходных кораблей с двигателями, отправить на перехват турецкой эскадры. Все к вечеру не успеем, дай бог, к утру добраться. — Хессель красноречивым жестом показал на волны, бросавшие корабли эскадры исключительно в обратном направлении. Восточный ветер не давал возможности идти прямо к острову Кипру, приходилось лавировать.

— Пойдём в переговорную, согласуем действия.

Магаданская эскадра из сотни кораблей, исключительно большого тоннажа, подходила к острову Кипру, чтобы сменить гарнизон и забрать свыше сорока тысяч православных славян, желающих перебраться

в спокойные места. С собой эскадра везла двигатели на замену во всех катерах, старые моторы которых не выдержали слишком активной эксплуатации. Ещё в трюмах лежало немного картофеля на посадку и семена томатов, для пропитания местного гарнизона. Июнь только начался, в жарком средиземноморском климате всё успеет вызреть. В составе эскадры были только три новых судна, зато все свыше трёхсот тонн водоизмещением, выстроенные за год столичной верфью. Только три этих корабля могли взять на борт больше тысячи пассажиров каждый, при удачном испытании корабельщики начнут серию таких парусников. Магаданцы готовились к активному освоению и заселению Америки, нужны были объёмные и быстроходные корабли. Потому все крупнотоннажные корабли к парусному вооружению получали два винта, на каждом по шестицилиндровому двигателю внутреннего сгорания.

Сейчас эти три новичка во главе отряда из восьми быстроходных кораблей спешили сыграть на опережение. Команды спустили паруса, а механики завели двигатели, шум работающих цилиндров гулко передавался через корпуса кораблей. Хотя уже в двух метрах за границей палубы плеск волн и завывание ветра полностью глушили непривычные звуки. Корабли шли прямо к столице Кипра, пытаясь догнать турецкий флот, которому по данным береговых наблюдателей, оставалось совсем немного до Ларнаки. Для береговых наблюдателей вид восьми кораблей, идущих упрямо против ветра с убранными парусами, представлял, вероятно, интригующее зрелище. Возможно, и нет. Привыкли за зиму киприоты к самоходным катерам, регулярно патрулировавшим прибрежные воды острова.

Догнал небольшой отряд турецкую эскадру за час до наступления темноты. Турки шли почти поперёк линии движения магаданцев, и сразу заметили пресле-

дователей. Характерно, что принимать бой не стали, несмотря на тройное численное преимущество. Вся турецкая эскадра приняла к ветру и поспешила оторваться от преследования, За год турецкие мореплаватели усвоили, кто на море хозяин, устремившись в открытое море, как можно дальше от берегов Кипра. Преследовать противника магаданские капитаны не стали, продолжив движение в Ларнаку. Туда удалось добраться уже в темноте, потому корабли встали на якорь вдали от берега, дожидаясь рассвета.

Две недели пробыла магаданская эскадра в Ларнаке, столице Кипра, пока на пришедшие корабли грузили зимнюю добычу гарнизона. Механики за это время заменили двигатели в катерах, вставили клизму всем экипажам за безалаберность и разгильдяйство. Николай проверил пять полков, набранных из бывших православных рабов. Согласился с назначением рекомендованных офицеров и сержантов, оформил всё это своими приказами. Тут же вооружил новые воинские части, провёл учения, стрельбы. В закрепление учений, на двух десятках кораблей, все шесть полков старого гарнизона ограбили побережье Анатолии. В качестве жертв выбирались те города и крупные селения, которые за зиму киприоты не посетили ни разу. Посему урожаем оказался неожиданно высоким.

Кроме разграбленных складов и домов богачей, пяти тысяч освобождённых православных рабов и рабынь, ставших привычными пленными корабелов, ювелиров, алхимиков и прочих учёных мастеров, бывшие рабы прихватили иную добычу. За год парни отъелись, отошли от рабского прошлого, но обида осталась. Поэтому на Кипр из набега магаданские полки доставили восемь тысяч молодых турчанок, девушек и женщин. И почти тысячу мальчиков турок, от четырёх до шести лет, собираясь сделать из них православных

христиан. В дальнейшем вырастить из них солдат, для войны с турками. Так сказать, янычары наоборот. Попытки Николая доискаться, кому пришла в голову такая оригинальная идея, ни к чему не привели, бывшие рабы своих не выдавали.

В целом, Николай остался доволен новым формированием, выросшая в численности за счёт трофейных кораблей магаданская флотилия в начале июля отправилась домой, на север. Увозили магаданцы не сорок тысяч людей, как ожидали, а пятьдесят тысяч, в том числе всех турецких мальчигов и большую часть пленных турчанок. Сам Николай с тремя быстроходными новинками оставался на острове. Не только помочь привезённому из Королевца магаданскому губернатору острова Кипра, молодому ученику Елены Александровны, не только наладить контрразведку и разведку, достойного уровня, но и поискать союзников для магаданцев, в первую очередь среди подданных турецкого султана. Нет, не греков и не прочих болгар, те с удовольствием проживут под сенью красного турецкого флага ещё триста лет.

Несмотря на огромное желание помочь православным народам, в том числе славянам, магаданцы не собирались проливать свою кровь и пот за чужую свободу. Как это делали русские цари в восемнадцатом и девятнадцатом веках, проливая кровь русских солдат за свободу угнетённых болгар, румын, греков и прочих сербов. Русские императоры со времён Петра Первого отличались завидным идиотизмом, словно жили не на земле, а сразу в раю. Их, почти стопроцентных немцев по крови, совершенно необъяснимым образом привлекало объединение славянских народов под сенью России. И, соответственно, за счёт русской крови и русских денег. Причём подавалась эта идея, как попытка захвата Проливов у Турции.

Тех самых Проливов, которые англичане и французы контролировали, как свой задний двор, диктуя очередному султану, кого пропустить в Чёрное море, а кого выпустить оттуда. Причём ни островитяне, ни лягушатники никогда не захватывали Босфор и Дарданеллы войсками. И впервые попытались это сделать лишь в конце Первой мировой войны, что характерно, безрезультатно. Да и сами магаданцы на опыте убедились, что в шестнадцатом веке захватывать Проливы абсолютно нет необходимости. Хвалёные турецкие крепости, Румелихисара на европейском берегу Босфора и Анадолухисара на азиатском берегу, якобы перекрывавшие Босфор в самом узком месте, не выдержали и десяти минут прицельного обстрела фугасными снарядами. Пётр не сомневался, что магаданские корабли в любое время смогут легко зайти в Чёрное море и выйти, было бы желание. Содержать в Проливах свои гарнизоны, подвергая солдат опасности гибели, да тратить немалые средства на подобные шалости магаданцы сочли излишним.

Так вот, на протяжении двух веков русские солдаты пролили реки своей крови, чтобы освободить «братские славянские и православные народы». И чем отблагодарили нас «братушки»? Тем, что в обе мировые войны «благодарные» болгары воевали против своих освободителей — русских. Да и в конце двадцатого века дружно бросились поливать грязью именно Россию, видимо, в благодарность за предоставленную независимость, оплаченную русской кровью. Поэтому магаданцы не собирались повторять ошибки России, и Николай искал на берегах Средиземного моря настоящих союзников. Тех, кто будет воевать сам за свою свободу, пусть и магаданским оружием. В первую очередь, это был Египет. Именно в Египет с дружественным визитом и собирался на трёх кораблях Николай, разведать обстановку.